

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150016288-9

Русско-турецкие войны в русской литературе: аксиологические приоритеты в исторической динамике

© 2021 г. Д. В. Ларкович

Доктор филологических наук,
профессор Сургутского государственного педагогического университета,
Россия, 628417, ХМАО — Югра, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2
dvl10@yandex.ru

Резюме. Статья представляет собой опыт аналитического описания художественного дискурса, запечатлевшего хронику многолетнего военного противостояния Российской Империи и Османской Порты. Автор преследует цель проследить логику оценочной динамики, характерной для отечественной литературной традиции в восприятии и отражении событий русско-турецких войн. Материалом статьи послужил достаточно объемный корпус художественных и публицистических текстов, наиболее полно и наглядно представляющих широту диапазона и вариативность аксиологических установок участников национального литературного процесса XVI—XIX вв., откликнувшихся на эти события. В их числе такие знаковые для русской интеллектуальной и художественной культуры имена, как М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, А.Ф. Вельтман, А.А. Бестужев-Марлинский, М.П. Погодин, Н.А. Некрасов, А.Н. Плещеев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.М. Гаршин и мн. др. В результате автор приходит к выводу о том, что четырехвековая история русско-турецких войн дала богатый материал для творческих инициатив русских писателей и существенно повлияла на развитие отечественного литературного процесса. Оперативно реагируя на события многочисленных военных конфликтов, художественная литература продуцировала и наглядно демонстрировала идеологические и аксиологические приоритеты общественного сознания в ракурсе их исторической динамики. Общая логика развития темы русско-турецкого противоборства получила непосредственное выражение на уровне поэтики художественного творчества. Соотнося ранние литературные опыты осмысления и изображения военных, можно наблюдать общее движение от общего — к частному, от коллективного — к индивидуальному, от прямой оценочности — к сложным этическим коллизиям. По мере развития художественного сознания картины масштабной баталистики сменяются очерками внутренних переживаний, внешний ракурс изображения событий уступает место ракурсам психологическому и экзистенциальному. Восприятие войны постепенно, но все более отчетливо предстает через призму персонального сознания автора и его героя и воспринимается как личностно пережитой и осмысленный опыт.

Ключевые слова: русско-турецкие войны, художественная баталистика, русский литературный процесс, рецепция, авторская точка зрения, аксиология.

Для цитирования: Ларкович Д.В. Русско-турецкие войны в русской литературе: аксиологические приоритеты в исторической динамике // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 5–22. DOI: 10.31857/S241377150016288-9

The Russo-Turkish Wars in Russian Literature: Axiological Priorities in Historical Dynamics

© 2021 Dmitrii V. Larkovich

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Surgut State Pedagogical University,
10-2 50 Years of VLKSM Str., Surgut, KhMAO – Yugra, 628417, Russia
dvl10@yandex.ru

Abstract. The paper represents the experience of analytical description of the fictional discourse, which captures the chronicle of the long-lasting military confrontation between the Russian Empire and the Sublime Porta. The author pursues the goal to trace the logic of evaluative dynamic specific to the Russian literary tradition in the perception and reflection of the events of the Russo-Turkish wars. The material of the paper is a sufficiently voluminous corpus of literary and journalistic texts, most fully and clearly representing the wide range and variability of axiological attitudes of participants of the XVI–XIX centuries national literary process who responded to these events. Among them are such iconic names for Russian intellectual and artistic culture as M.V. Lomonosov, G.R. Derzhavin, A.F. Veltman, A.A. Bestuzhev-Marlinsky, M.P. Pogodin, N.A. Nekrasov, A.N. Pleshchev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, V.M. Garshin and many others. As a result, the author concludes that the nearly four-century history of the Russo-Turkish wars provided rich material for creative initiatives of Russian writers and significantly influenced the development of the Russian literary process. Reacting swiftly to the events of numerous military conflicts, fiction produced and clearly demonstrated ideological and axiological priorities of public consciousness from the perspective of their historical dynamics. The general logic of the Russian-Turkish confrontation theme development was directly expressed at the level of poetics in artistic creations. Comparing the early literary experiences of understanding and depicting military conflicts, one can observe a general movement from the general to the particular, from the collective to the individual, from direct evaluation to complex ethical collisions. As artistic consciousness develops, depictions of large-scale battle scenes give way to literary sketches of inner experiences, psychological and existential perspectives replace the external perspective of describing events. The perception of the war is gradually, but more distinctly reveals through the prism of the personal consciousness of an author and his character and is perceived as a personally lived meaningful experience.

Key words: The Russo-Turkish wars, the study of battles in imaginative literature, Russian literary process, reception, axiology, author's point of view.

For citation: Larkovich, D.V. *Russo-turetskiye vojny v russkoy literature: aksiologicheskiye prioritety v istoricheskoy dinamike* [The Russo-Turkish Wars in Russian Literature: Axiological Priorities in Historical Dynamics]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 5–22. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016288-9

Принципиальное несовпадение геополитических интересов Российской и Османской империй, длительный период боровшихся за сферы влияния в Причерноморском, Кавказском и Балканском регионах, оказалось источником многолетнего военного противостояния, которое затянулось более чем на три с половиной столетия. Как известно, за этот период (1568–1918 гг.) состоялось двенадцать официально объявленных военных кампаний, что в общей сложности составило 69 лет.

Воспринимая себя преемницей Византии, каждая из враждующих сторон стремилась не только к расширению территориальных владений, но и к утверждению своих культурных приоритетов, обусловленных этноконфессиональной и ментальной принадлежностью. Уже к середине

XVI столетия, по словам А.Б. Широкограда, «две великие империи – Россия и Порты – еще не имея общей границы, уже стали великими антагонистами. Султан считал себя властелином миллионов русских подданных-мусульман, царь – защитником миллионов турецких подданных-православных и владельцем константинопольской вотчины, которая по совместительству являлась султановой столицей» [1, с. 30]. Хронику этого затяжного конфликта имперских амбиций в юго-восточной части Европы запечатлели не только архивные материалы, исторические свидетельства и документальные источники, но и многочисленные литературные тексты, в которых отразилась оценочная динамика общественного сознания. Проследить ее логику в проекции на русскую словесную культуру периода позднего

Средневековья и Нового времени — цель настоящего исследования.

К числу наиболее ранних литературных памятников, отмеченных чертами рецепции русско-турецких отношений, относится публицистическое сочинение известного мыслителя и общественного деятеля И.С. Пересветова “Сказание о Магмете-салтане” (1549). В основе этого произведения — идеализированный образ просвещенного самодержца, имеющего впрочем мало общего со своим реальным прототипом — султаном Мехмедом II, завоевателем Константинополя. Прожившему несколько лет на территории, подвластной османскому престолу (в Венгрии и Молдавии), древнерусскому публицисту импонируют строгая дисциплина, царящая в турецкой армии, и требование неукоснительного соблюдения закона, установленное верховной властью, что выгодно отличает османскую государственность от византийской цивилизации, разложившейся от служебных злоупотреблений и моральной порочности. Главенство закона, гарантирующего дееспособность армии и национальное благоденствие, по мнению Пересветова, есть прямое следствие образованности государя и неукоснительного его стремления на всех уровнях судебной и исполнительной власти утвердить “правду”, под которой автор понимает равенство всех перед законом. Он пишет: «И Магмет праведный суд во царство свое въвел, и ложь вывел, и воздал богу сердечную радость, и рек так: “Бог любит правду лутчи всего; не мошно царю царства без грозы держати; яко же царь Константин велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовалися и нечисто збирали богатство свое, а земля и царство плакала, и в бедых купалися. И за то господь бог разгневался на царя Константина и на велможь его и на все царство греческое неутолимым гневом своим святым, что они правдою гнушалися, не знали того, что бог любит сильнее всего правда»» [2, с. 227].

Написанное в канун первой русско-турецкой войны (1568–1570) и адресованное Ивану Грозному, “Сказание о Магмете-салтане” представляло собой не столько исторический документ, характеризующий реальное положение дел в Османской империи, сколько оригинальный литературно-политический проект, предлагающий еще совсем молодому самодержцу комплекс мер по укреплению российской государственности.

С началом военного противостояния России и Турции аксиологические установки русских писателей кардинально меняются. Наглядное представление о характере художественного

опосредования происходящих событий дает “Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков” (1642), авторство которой приписывается одному из участников обороны Азовской крепости войсковому подьячему Ф.И. Порошину [3, 492]. Повесть основана на реальных событиях, однако ее варианты (“историческая”, “поэтическая”, “сказочная”, “документальная” и др.) дают разный уровень достоверности событий, связанных с четырехмесячной осадой крепости, в 1637 году самовольно захваченной донскими казаками и героически обороняемой ими от натиска регулярной турецкой армии под командованием султана Ибрагима I, которая по численности в 50 раз превосходила небольшой азовский гарнизон.

С художественной точки зрения наибольший интерес представляет “поэтическая” версия повести, которая написана в форме казачьей войсковой отписки царю Михаилу Федоровичу. Здесь причудливо сочетаются подчеркнутый документализм и канцелярская педантичность в перечислении живой и технической силы турецкого воинства, развернутые батальные описания, где содержатся динамичные картины жестоких сражений (24 приступа), и выразительные адресные высказывания (“речи”), которыми обмениваются противники, лаконичные, но очень емкие характеристики участников осадного сидения и драматически напряженное повествование о происходящих событиях.

Истоки военного противостояния видятся автору повести не только в территориальных правах русского государства на Азовский форпост, гарантирующий выход к морю, но и в конфессиональной непримиримости враждующих сторон, в принципе исключающей мирный исход столкновения. Поэтому на предложение султана сдать крепость в обмен на богатые дары и безбедное житье в Царьграде казаки бесстрашно заявляют: “А мы, люди божии, а холопи государя царя московского, а се нарицаемся по крещению православные крестьяне. Как служить можем ему, царю турскому неверному, оставя пресветлой здешней свет и будущей? Во тму итти не хошем! <...> Не дорого нам ваше серебро и золото собаче похабное бусурманское, у нас в Азове и на Дону золота и серебра своего много. То нам, молотцомь дорого и надобно, чтоб наша была слава вечная по всему свету, что не страшны нам ваши паши и силы турецкие” [4, с. 69, 78].

Особый стилистический колорит “поэтической” повести придает обусловленность фольклорной традицией, которая подчеркивает

неразрывную связь с легендарным героическим прошлым, запечатленным в национальном былинном эпосе: “И после того в полках их почела быти стрельба пушечная и мушкетная великая: как есть стала гроза великая над нами страшная, будто гром велик и молния страшная ото облака бывает с небеси. От стрельбы их стал огонь и дым до неба. И все наши градные крепости потряслися от стрельбы их той огненной. И солнце померкло во дни том и, светлое, в кровь претворися. Как есть наступила тма темная” [4, с. 61].

Повествовательная интонация маркирована пафосом патриотизма и уверенности в необратимости происходящего. Эта уверенность автора воинской повести коренится в очевидном ощущении Небесной помощи, которая ниспослана через знамение Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, явившихся в образе юношей с обнаженными мечами. Отсюда лейтмотивом звучит фраза: “С нами бог! Разумейте языцы и покаряйтесь яко с нами бог!” [4, с. 73].

Эпоха петровских преобразований актуализирует эстетический потенциал панегирической поэзии, которая, с одной стороны, играла роль связующего звена новой русской словесности с европейской литературной традицией, с другой же стороны, была ориентирована на решение внутренних вопросов, связанных с утверждением авторитета светской власти в общественном сознании. Панегирическая поэзия петровского времени с ее насыщенной эмблематикой, официозной риторикой и барочным орнаментализмом стремилась запечатлеть в сознании читателя колоритный и масштабный образ царя-демиурга — создателя, победителя, просветителя. Для достижения этой цели нередко использовались не только выразительные возможности силлабического стиха, но и сопутствующий визуальный антураж.

Показателен в этом отношении первый печатный панегирик, сочиненный И.Ф. Копиевским и изданный в 1700 году в Амстердаме под названием “Слава торжеств и знамен побед пресветлейшаго и августейшаго, державнейшаго и непобедимейшаго, великаго царя и великаго князя Петра Алексеевича всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца”. Он был приурочен к победоносному завершению Азовской войны (1686–1700). Издание представляет собой небольшую книжку (32 с.), которая помимо двух стихотворных текстов (“Песнь победная” и “Безсмертная слава преславных дел противу турком ...)” содержит гравюру голландского мастера Я. Нахтгласа с изображением сидящего на троне

Петра I. Гравюра насыщена державной эмблематикой, что призвано подчеркнуть мировое величие российского государя: над увенчанной коронной головой Петра расположен российский герб с изображением двуглавого орла; царский трон окружают двенадцать аллегорических фигур, олицетворяющих различные добродетели монарха (мудрость, воинскую доблесть, милосердие, щедрость и т.п.); у подножия трона распростерлись поверженные турки, подносящие русскому царю короны иностранных государств; слева от трона представлены эпизоды взятия Азова, справа ангелы развернули карту Азова и демонстрируют ее царю-победителю.

Язык аллегорий характерен и для поэтических текстов книги. Победа России над Турцией выражена посредством системы знаков, репрезентирующих общепринятую государственную атрибутику: поражающий змея двуглавый орел, поверженный на землю полумесяц и т.п. Сам же факт взятия Азова квалифицируется как залог дальнейшего процветания и расширения мирового влияния российской государственности, пребывающей под покровительством могущественного и милосердного властителя:

Славный сей день есть его же, господь сотвори
Крепостию великия силы покори.
Велика государя врази персть полижут,
Побеждениже, ражени, и руки не движут.
Понуждениже страхом, и мир уприсиша,
Многимже прошением, своим умилиша,
Великаго государя победы сея
И строителя храбраго крепости ея.
Милосердый монарха мир им дарова,
Да не погибнет с кручины их бедна глава,
О немернаж благодать монархи велика
И супостатом своим сотвори толика,
Яковаже и другом, делать обыкоша,
Радостно супостаты, во своя приидоша [5, с. 45–46].

Рост поэтической культуры в послепетровский период выводит на лидирующие позиции жанр оды в силу того, что именно ода предстала в качестве универсальной художественной модели, способной наиболее точно и адресно сосредоточиться на базовых аксиологических акцентах новой национальной идеологии (могущество русского государства, мудрое правление государя, Божий Промысел, оберегающий Россию, и др.). Вполне очевидно, что именно жанр оды оказался той оптимальной формой поэтического высказывания, благодаря которой война могла рассматриваться как необходимое условие утверждения государственных интересов.

Именно такой вектор развития на долгие годы жанр оды получил благодаря продуктивной

творческой инициативе М.В. Ломоносова. Ломоносовская “пиндарическая” ода с ее беспримерным пафосом жизнеутверждения, масштабной программой государственных преобразований, подлинно патриотической ангажированностью и неизменной устремленностью в будущее предельно адекватно выражала суть идеологии новой, послепетровской России. Уже первое крупное одическое сочинение, написанное по случаю завершения очередной русско-турецкой войны (1735–1739), наглядно продемонстрировало тот мощный художественно-идеологический потенциал, который обеспечил оде более чем полувекое господство в жанровой системе русской литературы.

“Ода блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года” представляет собой блестящий пример поэтической баталистики, на долгие годы сохранявший за собой статус классического образца пиндарического эпиникия. На фоне очевидной связи ломоносовской оды с предшествующей риторической традицией, мотивирующей победу русского оружия причинами конфессионального и провиденциального порядка, а также связывающей ее с мудрым правлением “великой Анны”, автором четко обозначен субъект победоносных действий — “храбрый росс”, обобщенный образ русского воинства, сплоченного единым порывом патриотического воодушевления:

Крепит Отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку [6, с. 62].

Основная часть текстового пространства оды связана с непосредственным изображением Хотинской битвы, где автор использует исключительно богатый арсенал поэтических средств словесной баталистики. Как отмечают современные исследователи, «хотя Ломоносов был далек от ратного дела и не являлся участником описываемых событий, историческая фактура Хотинской оды добротна и вполне достоверна. “Поэтический восторг”, который автор испытал при известии о победе русских над турками, не помешал ему достаточно точно воспроизвести ход военной операции и объективно оценить ее результаты» [7, с. 216]. Следует уточнить, что “историческая фактура”, основанная на документальных источниках, которые оказались в распоряжении Ломоносова, оригинально обрамляется в тексте иерархически выстроенной системой мифологических и аллегорических образов, визионерскими

пассажами, пейзажными зарисовками и символическими аллюзиями, что создает особый художественный симбиоз, выражающий идею полноты и целесообразности бытия. В этой связи примечательно то, что победа в войне с турками рассматривается в оде не как самоцель, а как необходимое условие мирной, полноценной жизни:

Казачих поль заднестрской тать
Разбит, прогнан, как прах развеея,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насяея.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства [6, с. 68].

Примечательно и то, что начиная именно с Хотинской оды процесс роста личностного начала и усиления авторской субъектности приобретает вполне зримые очертания. Авторская ценностная позиция здесь еще не выходит за пределы общегосударственных приоритетов, но она рождается на основе личного гражданского чувства и окрашена в яркие эмоциональные тона персонального переживания. Все последующие литературные опыты, связанные с отражением событий русско-турецкого военного противостояния, будут отмечены знаком прогрессирующей эмансипации творческой личности.

Благо поводов для актуализации авторских инициатив подобного рода внешнеполитический курс Российского государства предоставил более чем достаточно. Одним из таких поводов в последние десятилетия XVIII века, как известно, оказался так называемый греческий проект, который предполагал вывод Греции и ряда других православных государств Юго-Восточной Европы из состава Османской империи и восстановление в правах “восточного” христианства путем закрепления за Константинополем статуса его столицы. В письме от 10 (21) сентября 1782 г., адресованном австрийскому императору Иосифу II, предполагаемому союзнику в составе антитурецкой коалиции, о сути этой амбициозной геополитической инициативы Екатерина II между прочим сообщала: “...в случае, если бы успехи наши в предстоящей войне дали нам возможность освободить Европу от врага Христова имени, выгнав его из Константинополя, в. и. в. не откажете мне в вашем содействии для восстановления древней Греческой империи на развалинах ныне господствующего на прежнем месте одного варварского владычества, конечно при неперменном с моей стороны условии поставить это новое

Греческое государство в полную независимость от моей собственной державы, возведя на его престол младшего из моих внуков, великого князя Константина, который в таком случае обязался бы отречься навсегда от всяких притязаний на Русский престол, так как эти два государства никогда не могут и не должны слиться под державою одного государя» [8, с. 290]. Последовавшая в результате разработки этого проекта военная кампания 1787–1791 гг. оказалась решительным, но так и не достигшим своей цели этапом его практической реализации.

Однако, по замыслу императрицы и ее ближайшего окружения, «греческий проект» должен был преследовать не только геополитические, но и культурно-исторические цели. Как отмечает А. Зорин, «в заданной “греческим проектом” системе координат религиозная преемственность как бы по умолчанию приравнивалась к культурной. Соответственно, между Константинополем и Афинами ставился знак равенства, а роль единственной церковной наследницы Византии по определению делала Россию и безусловно легитимной наследницей греческой античности... Этот логический *tour de force* кардинально менял представления об исторической роли и предназначении России. Если традиционно считалось, что факел просвещения перешел из Греции в Рим, оттуда был подхвачен Западной Европой и из ее рук был принят Россией, то теперь Россия оказывалась связана с Грецией напрямую и не нуждалась в посредниках» [9, с. 36–37]. Это важное обстоятельство не осталось без внимания литературного сообщества.

Вообще, по справке И. Клейна, во второй половине XVIII столетия более 160 стихотворныхopusов было посвящено победам российского оружия в различных военных сражениях [10, с. 176], большая часть которых была приурочена к событиям русско-турецких войн, в том числе “Ода государыне императрице Екатерине Второй на взятие Хотина и покорение Молдавии” А.П. Сумарокова (1769), “На войну с турками” В.П. Петрова (1769), “Ода на взятие Хотина” Ф.Я. Козельского (1769), “Ода ее величеству на преславную победу над турецким флотом в заливе Лаборно при городе Чесме” А.Н. Майкова (1770), “Чесмесский бой” М.М. Хераскова (1771), “Ода на победы, одержанные российским оружием в продолжение первой турецкой войны” М.Н. Муравьева (1773), “Ода российским солдатам на взятие крепости Очакова” Н.П. Николева (1788), “Ода на взятие Очакова” С.С. Боброва (1789), “Эпистола его сиятельству графу Александру Васильевичу

Суворову-Рымникскому на взятие Измаила” Е.И. Кострова (1791), “Стихи его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на взятие им города Измаила” П.И. Голенищева-Кутузова (1791) и мн. др. Примечательно, что в поэтических текстах, написанных задолго до того момента, когда идея “греческого проекта” окончательно оформилась как государственная стратегия, поэты уже активно артикулировали ее в своих сочинениях. Идея, что называется, витала в воздухе и воодушевляла русских стихотворцев, которые стремились упрочить ее в сознании императрицы:

Екатерина! Пред тобою
Пошлет архистратига бог.
Твоей счастливою судьбою
Воздымется Палеолог (А.П. Сумароков, 1769) [11, с. 71].

Прими несчастна Византия
Тот свет от Россов, кой Россия
Прияла древле от тебя.
Приимешь, узришь в нем себя (В.П. Петров, 1769) [12, с. 47].

Подателей вселенной света
Екатерина просветит,
Изгонит чтущих Магомета
И паки греков утвердит (В.И. Майков, 1770) [13, с. 214].

На общем фоне литературно-политических манифестаций последних десятилетий XVIII века особый интерес представляет “военная” лирика Г.Р. Державина. В 1772 году будущий автор “Фелицы” на чреду событий российско-турецкого вооруженного противостояния последних четырех лет откликнулся достаточно компактным стихотворным сочинением “На победы Екатерины II над турками”, гимнографическим по форме и одическим по содержанию. Здесь налицо весь набор традиционных образных моделей и сюжетных клише, который успешно был апробирован на практике его более опытными и авторитетными предшественниками и современниками. Стихотворение исполнено прозрачными отсылками к конкретным батальным фактам (взятие Хотина, сражение под Кагулом, штурм Бендер, Чесменский бой и др.), именами прославленных полководцев (А.М. Голицына, П.А. Румянцева, П.А. Панина, А.Г. Орлова, В.М. Долгорукова), прозрачными аллегорическими конструкциями и фигурами одической риторики. Завершалось стихотворение словами, вполне созвучными господствующим идеологическим настроениям:

Екатерине, зная, положено судьбами,
Чтоб не стонал Босфор Магмета пред рабами!
Гряди, гряди, о рок! — и Орлею рукой
Восстань Палеолог, поверженный Луной! [14, с. 15].

После этого избравший “совсем особый путь” Державин более 15 лет тему русско-турецких отношений в своем поэтическом творчестве старался обходить стороной. И лишь в конце 1788 года, когда очередной вооруженный конфликт с Портой был уже в полном разгаре, он написал “Осень во время осады Очакова”. Формально это стихотворение приурочено к одному из знаковых событий военной кампании периода осуществления “греческого проекта”, что отражено в его названии. Однако вместо пиндарической в традиционном ее понимании оды, прославляющей героизм русского оружия, мудрое правление монархии и доблесть ее военачальников, Державин создает не знающий аналогов в предшествующей поэтической практике лирический текст полижанрового характера. Композиция стихотворения имеет трехчастное построение. Оно открывается развернутой медитативной дескрипцией, где живописно представлены разнообразные картины осенней природы с подчеркнuto русским колоритом; далее следует “одический” фрагмент, развивающий мотив воинской доблести; и завершает стихотворение выдержанное в стилистике дружеского послания лирическое адресное обращение к генерал-поручику русской армии, участнику осады Очакова С.Ф. Голицину, содержащее взволнованное заверение в супружеской любви и верности его жены, которая

... задумчива, печальна,
В простой одежде и власы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе,
И светлоголубые взоры
Ея всечасно слезы льют [14, с. 229].

Примечательно то, что Державин вовсе не отказывается от героизации как ракурса изображения военного события. Он лишь делает подвижным диапазон его восприятия: расширяет за счет включения его в космический цикл (“Румяна Осень! — радость мира! / Умножь, умножь еще твой плод!”) [14, с. 229] и локализует посредством введения в сферу интимных, семейных отношений (“Спеши, супруг, к супруге верной! / Обрадуй ты, утешь ее!”) [14, с. 229]. В результате война оказывается вписана в общую картину бытия как один из ее неотъемлемых элементов.

Правда, чуть более чем через год Державин создает оду “На взятие Измаила” (1790), написанную по всем правилам пиндарического эпиникия и демонстрирующую высокую степень жизнеспособности ломоносовского жанрового канона. Однако наряду с этим по свежим впечатлениям русско-турецкой кампании 1787–1791 гг. из-под

пера поэта выходят “Победителю” (1789), “Памятник герою” (1791), “Водопад” (1791) и др., где масштабные военные сражения осмысляются через призму персональных человеческих судеб. Можно сказать, что своим творчеством Державин знаменовал закат эпохи монументальной поэтической баталистики и обозначил начало новой эпохи, утвердившей личность в качестве фокуса и отправной точки постижения законов национальной истории.

Очередной этап российско-турецкого военного противостояния хронологически совпал с бурным развитием прозаических жанров. Это обстоятельство актуализировало арсенал новых художественных возможностей и существенно скорректировало авторские рецептивные ориентиры. В отличие от литераторов XVIII столетия, которые в подавляющем своем большинстве черпали информацию о событиях, происходящих на арене военных действий, из газетных публикаций, официальных документов, рассказов очевидцев и других косвенных источников, писатели XIX столетия, как правило, были непосредственными участниками военных сражений, в художественной интерпретации которых исходили из личного опыта и собственных впечатлений, приобретенных непосредственно из “первоисточника”. Именно поэтому в русской романтической прозе война перестает быть самодостаточным предметом изображения. Она воспринимается лишь как особая, экстремальная ситуация, в условиях которой разворачиваются события человеческой жизни.

Так, для А.Ф. Вельтмана, ветерана русско-турецкой кампании 1828–1829 гг., война — это наиболее действенная проверка на человеческую состоятельность, потому что в полной мере дает “лучшее образование сердца, и разума, и тела” [15, с. 210]. При всей своей суровой сущности она, по мнению писателя, обладает мощным воспитательным потенциалом, в особенности, когда речь идет о молодом человеке, ибо закладывает в нем прочные нравственные основы и формирует такие качества, как “честность, мужество, величие души, точность и добровольие в исполнении обязанностей, любовь к отечеству и рвение к его славе” [15, с. 211].

В романе “Странник”, работу над которым Вельтман начал осенью 1828 года вскоре после участия в серии победоносных операций по взятию турецких крепостей Браилов, Шумла, Варна, Кюстенджи и Гирсово, нашли отражение личные впечатления автора о героике и буднях военных походов, которые были предприняты

русской армией в районе восточных Балкан. Написанный в жанре путевых заметок “Странник” содержит развернутые описания и лирические отступления, в которых волею наблюдательного и увлеченного повествователя стирается четкая грань между конкретикой факта и его образным аналогом, между прекрасным и безобразным, иллюзорным и телесно осязаемым. В результате драматизм военного конфликта уступает место эстетической созерцательности, геополитика — геопозитике: “Воин! если ты был при переходе чрез Дунай, то вспомни, как перебежал ты через понтонный мост, взглянул налево в окоп турецкий, направо в оставленный неприятелем редут с безобразными орудиями, как спешил на гору, задыхаясь взобрался на Визирский страшный курган, сел, отдохнул и потом стал смотреть кругом себя... Помнишь ли, как чудна показалась тебе природа? Прямо на север перед собою видел ты все создание переправы, за нею болотистый, покрытый камышом берег и новый проложенный путь, далее село Сатуново, далее степи Буджака и протяжные горы... Вправо — отдаленный Измаил, извилины Дуная, светлые озера, зеленые камыши, синий туман над полосой моря... Влево — дикая крепость Исакача, далее устья Прута и Серета, г. Галац и чуть заметный в дыму Браилов... За тобою — Бабадагский берег; и горы, покрытые лесом, и путь, пролегающий в столицу султана... Ты очарован, воин! ты утомил взоры, посвятил вздох прошедшему и снова перенесся в заманчивую будущность!..” [15, с. 88].

Все это на равных правах встраивается в общую пеструю картину с пейзажными зарисовками, отвлеченными размышлениями о любви, искусстве и смысле человеческой жизни, бытописательными фрагментами, поэтическими отрывками, дневниковыми отчетами, историческими справками, штабными реляциями и т.п. Собственно батальные сцены занимают весьма скромное место в тексте романа и, как правило, ограничиваются констатацией военных успехов русской армии на фоне беспомощности турецкой: “Вскоре на походной колокольне единственный и звонкий колокольчик возвестил молебствие о взятии крепостей Гирсова, Тульчи, а наконец и Кистенджи. В первой Ишим-паша, во второй Ибрагим-паша, в третьей Абдуллах-бей преклонили свои бунчуки пред знаменами русскими, вручили их победителям и отправились оправдывать неудачи свои пред блистательною Портою” [15, с. 93]. А в центр изображения Вельтман помещает личность самого повествователя с его впечатлениями, мыслями, оценочными суждениями. Он — “странник”, а следовательно, пытливый

наблюдатель, пребывающий в состоянии поиска истины, не вмешивающийся в ход истории, но стремящийся постичь его суть.

Не менее оригинальное отражение русско-турецкая кампания 1828–1829 гг. получила в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского, который, будучи разжалованным в рядовые за выступление на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, в составе 41-го Егерского полка Отдельного Кавказского корпуса принимал участие в наступательных боях на севере Турции. Так, основные события незавершенного романа “Вадимов” разворачиваются на фоне взятия турецкой крепости Ахалцих в августе 1828 года, о чем автор сообщает буквально в самом начале повествования. Примечательно то, что сам писатель, находясь в указанное время в якутской ссылке, не принимал непосредственного участия в этой крупной военной операции, однако личный опыт участия в штурме другой турецкой крепости Байбурт в сентябре 1829 года и знакомство с документальными источниками позволили ему воссоздать вполне достоверную картину сражения.

Впрочем фактографическая точность повествования оригинально сочетается в романе с романтической эмоциональностью и поэтической экспрессивностью. Бестужев увлекает эстетика боя, когда за грохотом орудий, ружейной канонадой и криками наступающих явственно слышится музыка высших сфер: “Я не знаю ничего величественнее, ничего прекраснее батареи, которая громит вас с гребня холма: в небе ясно, а вокруг нее тучи ходят; они летят, волнуются, кипят, то вспыхивают, то гаснут вдруг; каждый выстрел бросает новые узоры, новые краски в эту зыбкую картину, и как чудно прелестен этот выстрел! Сквозь дым, полураздунутый им, он мелькает, как взор гения сквозь будущее, яркое, пылок, неуловим; мелькнул — и нет его!” [16, с. 331].

Примечательно и то, что автор сознательно отходит от стереотипной оценочной шкалы: “свои — герои, враги — трусы”. Для Бестужева героизм — это качество, не имеющее национальной прерогативы. Турки в романе изображены как смелые воины, как достойный уважения соперник. Взятие турецкой крепости Ахалцих воспринимается как волевое соперничество, как героический поединок равных. Здесь нет ненависти, нет фанатичной вражды, нет религиозной нетерпимости. Подобно Вельтману, Бестужев квалифицирует войну как условие проверки человека на его состоятельность, возможность проявить в критических условиях свой нереализованный в мирной жизни личностный потенциал:

“Не знает тот чувств храброго перед боем, кто сам не храбр, кто сам не бывал воином. Трудно вообразить, как первый выстрел, услышанный вдаль, превращает природу человека, как один и тот же электрический удар может зажечь порох и оледенить воду. Так вспыхивает сердце храброго, между тем как сердце труса холодеет. Куда денется тогда усталость, и один страх — не ушел бы неприятель, не послали бы меня в резерв, — волнует грудь” [16, с. 328].

Не случайно в этом смысле то, что повествование о русско-турецком военном противостоянии постоянно перемежают развернутые экскурсы в еще свежем в памяти персонажей времени наполеоновского вторжения, времени всенародного героического подвига, времени сильных ярких личностей. По мнению писателя, такие личности встречаются и в современной жизни, и именно война позволяет им раскрыться в полной мере.

В романе “Вадимов”, как и в других своих произведениях, Бестужев разрабатывает особый тип героя: яркая индивидуальность, масштаб которой проявляется только в экстремальных ситуациях, пограничных положениях, требующих предельного напряжения физических и душевных сил. Еще только приступая к реализации своего творческого замысла, в письме, адресованном К.А. Полевому, прозаик сообщал, что намеревается изобразить “поэта, гибнущего от чумы... поэта, который сознает свой дар и видит смерть, готовую поглотить его невысказанные поэмы, его исполинские грезы, его причудливые видения горячки” [17].

Указывая на связь проблематики романа с пушкинской трагедией “Пир во время чумы”, Ф.З. Канунова отмечает: «Бестужев в отрывках из романа “Вадимов” по-своему решает тему, поставленную Пушкиным: поведение героя в крайних обстоятельствах, проблема подлинной духовности человека, способного в труднейшей жизненной ситуации на свободный выбор» [16, с. 583]. А свобода выбора, по мнению Бестужева, оказывается возможной только на грани жизни и смерти, времени и вечности, экзистенции и небытия.

Военные события 1853–1856 гг., вошедшие в историю под названием Крымской войны, оставили в русской литературе достаточно объемный корпус художественных и публицистических сочинений весьма разнообразного идеологического и жанрового диапазона, что было обусловлено крайне противоречивым характером самой войны и неблагоприятным ее исходом для российской государственности. Несмотря на то, что

в октябре 1853 года война была формально объявлена османским султаном Абдул-Меджидом, российское общественное сознание ассоциировало ее не столько как столкновение собственно с самой Турцией, сколько экстраполировало на действия коалиции ее могущественных европейских союзников (Британии, Франции и Сардинии), а потому квалифицировало ее — особенно на начальном этапе — как войну справедливую, оборонительную, вынужденную.

“Высочайший манифест”, подписанный императором Николаем I и опубликованный 9 февраля 1854 года, в котором акцент был сделан на том, что Россия “сражается за православие” и “не изменит святому своему призванию” [18, с. 272–273], был по сути поздним отголоском екатерининского “балканского проекта” и формально декларировал ее историческую миссию по освобождению братских христианских народов, проживающих на территории Османской империи и притесняемых по религиозному признаку. Эти идеи вызвали широкий общественный резонанс, который нашел отражение в российской периодике. Практически с первых месяцев войны вести с Дуная, Кавказа, Черного и Балтийского морей стали появляться на страницах центральных газет (“Русский инвалид”, “Северная пчела”, “Санкт-Петербургские ведомости”, “Московские ведомости”) и журналов (“Военный журнал”, “Библиотека для чтения”, “Москвитянин”, “Современник”). Нередко материалы, освещающие ход военных событий, приобретали остро polemический характер, что было вызвано причинами идеологического противостояния с участниками антироссийской коалиции. В этот период британские (“The Times”, “Sunday Times”, “Daily News”, “Punch”) и французские (“La Gazette de France”, “Le Moniteur Universe”, “Le Charivari”) периодические издания развернули масштабную инициативу по формированию европейского общественного мнения о войне с Россией [19, с. 34–39]. Именно в этот период в сознании западного обывателя за Россией окончательно закрепляется стереотипный образ медведя как аллегория грубой стихийной силы.

Не остается в долгу и российская периодика, которая всячески стремится стимулировать патриотический настрой своего читателя и попутно дискредитировать своих зарубежных оппонентов. Например, в первом номере газеты “Северная пчела” за 1854 год ее издатель и постоянный автор рубрики “Журнальная всякая всячина” Ф.В. Булгарин, производя обзор новинок европейской культуры, между прочим замечает: “Спрашиваю,

с какою целью некоторые английские журналы воспаляют страсти народные? Сперва надобно знать, что значит английская газета или журнал — это коммерческое предприятие на акциях, как какое-нибудь общество для торга дровами... <...> И таким образом, чем больше продано экземпляров круглым счетом, тем лучше для акционеров, и для этого стремление газеты состоит в том, чтобы воспалить народные страсти и угождать этим страстям. Пишут, Бог весть, какие нелепости! По английским газетам, уже и Тифлис взят был турками, и в Черном море и на Дунае они одерживали блистательные и знаменитые победы, и я уверен, что первые смеялись над этим те самые, которые это выдумали” [20, с. 2–3].

Наряду с этим русское общественное сознание предпринимает попытки осмыслить причины и возможные последствия той политической ситуации, которая сложилась в результате военного столкновения России с ведущими европейскими державами. В частности, издатель журнала “Москвитянин” М.П. Погодин, подготовивший в период крымской кампании целую подборку публицистических материалов о современном положении русско-европейских отношений, задается вопросом об истинных намерениях инициаторов глобального военного конфликта, в который Россия оказалась втянута посредством хитросплетения геополитических интриг: “Не хотят ли Франция и Англия занять Константинополь вспомогательными войсками, овладеть Дарданеллами, затеять ссору с Турецким правительством, объявить о невозможности его поддерживать, провозгласить уничтожение Порты, объявить Славянские и прочие государства свободными, с какими угодно конституциями, сделать Константинополь вольным городом, поделить между собой Азиатскую часть, Египет, острова и прочие владения, открыть Черное море для всех народов, — и предложить, пожалуй, какую-нибудь частицу нам и Австрии с Пруссией? Таким образом, они скинули бы с себя и ту поносную роль в истории, которую они до сих пор принимали” [21, с. 97].

В результате впервые в мировой истории война как вооруженное столкновение враждующих государств обрела дополнительный ресурс противодействия — информационный, который оказался не менее эффективным средством дискредитации противника и был взят на вооружение участниками всех последующих военных конфликтов.

Разумеется, литераторы не могли остаться в стороне от происходящих событий, и начальный этап Крымской кампании был ознаменован

небывалым поэтическим энтузиазмом. Господствующие настроения первых месяцев войны отражает поэтический сборник с красноречивым названием “Заморские гости, собрание песен, военных куплетов, сказок, басен и стихов про турок, англичан и французов. Выражающие чувства русских за Веру, Царя и Отечество, в войну настоящего времени”, в состав которого вошли стихотворения Ф.Н. Глинки, Ф.Б. Миллера, Н.Ф. Павлова, М.А. Стаховича, П.А. Каратыгина и др., ранее опубликованные на страницах столичной периодики. Ведущими жанрами сборника оказались патриотическая агитка и политическая инвектива. В изображении неприятеля поэтами активно использовались карикатура, шарж, гротеск, в то время как общий лирический пафос сборника был вполне созвучен гражданским мотивам национальной одической поэзии XVIII столетия. Вполне показательным в этом смысле является стихотворение Н.Ф. Павлова “На войну с Турциею”, образный строй которого недвусмысленно отсылает читателя к традиционной поэтике русской риторической оды:

Мы мстим за оскорбление веры,
За угнетенных христиан.
Падут пред нами изуверы,
Перед Крестом дрогнет коран.

На месть, на брань; за новой славой
Восстали грозные полки;
Взвился к луне орел двуглавый;
Сверкнули Русские штыки [22, с. 11].

Следует отметить, что на военные события в той или иной мере откликнулись все сколько-нибудь значимые поэтические силы России. Ясно осознавая всю полноту кризиса, переживаемого Отчизной, свою гражданскую позицию в форме лирических манифестаций выразили представители разных, порой диаметрально противоположных идеологических платформ, в число которых (помимо выше упомянутых) вошли И.С. Аксаков, А.Н. Апухтин, В.Г. Бенедиктов, Н.В. Берг, П.А. Вяземский, Н.А. Добролюбов, В.М. Жемчужников, П.Л. Лавров, А.Н. Майков, Н.А. Некрасов, И.С. Никитин, Д.П. Ознобишин, К.К. Павлова, А.Н. Плещеев, Я.П. Полонский, С.Е. Раич, А.К. Толстой, Ф.И. Тютчев, А.С. Хомяков, С.П. Шевырев и мн. др. Диапазон авторских эстетических установок оказался чрезвычайно широк: от “Мой стих есть тоже меч — и с вашими мечами / Ужели не блеснет за Русь он под грозой?” (А.Н. Майков) до “Теперь тебе не до стихов, / О слово русское, родное!...” (Ф.И. Тютчев). Однако в разноголосом хоре лирических высказываний безусловно доминировали интонации

патриотического воодушевления и национальной гордости, мотивированные осознанием преимущественности героического наследия защитников Отечества прошлых лет. Этим духом, в частности, пропитана составленная Н. Клячковым и изданная в первой половине 1854 года двухчастная поэтическая антология “Собрание патриотических стихотворений” [23], все средства от продажи которой были направлены в помощь участникам обороны Севастополя.

Однако по мере ухудшения положения на фронте в лирических сочинениях происходило постепенное снижение имперского пафоса и победной риторики. Тема героической борьбы не утратила своей актуальности, но произошло смещение смысловых акцентов: константы официальной идеология уступили место интимным переживаниям сострадания и горечи за гибель мужественных защитников Отечества. Священная жертва, принесенная на алтарь войны, оказалась неоправданной. Так, в известном стихотворении Н.А. Некрасова “Внимая ужасам войны...” (1855) предметом скорбных лирических размышлений оказываются судьбы солдатских матерей, потерявших своих сынов на полях сражений. Здесь героика ратного подвига меркнет и теряет свой смысл перед лицом неизбывного материнского горя:

Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакущей иве
Своих поникнувших ветвей... [24, с. 14].

На фоне драматических событий Крымской кампании все более ощутимыми становятся пацифистские и антиимперские настроения. Демократическое крыло русской поэзии выступило с обличительной критикой в адрес власти и высшего командования, не способных оценить масштабы национального бедствия и остановить жестокое кровопролитие. Бессмысленность войны и разрушительный характер ее последствий становятся магистральной темой русской лирики переломного 1855 года. Ходят в списках и пользуются широкой популярностью исполненные горького сарказма “солдатские” песни участников обороны Севастополя Л.Н. Толстого и П.К. Менюкова, будоражат умы читателей радикальной ангажированностью поэтические опусы “Русскому народу” П.Л. Лаврова и “Не гром войны, не бой кровавый...” Н.А. Добролюбова, вызывают

сочувственные отклики общественности антивоенный настрой стихотворений “На Черном море” Я.П. Полонского и “После чтения газет” А.Н. Плещеева. Все чаще раздаются голоса, которые призывают враждующие народы преодолеть политические разногласия, забыть прежние обиды и объединиться во имя братской любви. Так, лирический герой А.Н. Плещеева восклицает:

Рассказ о подвигах на поле грозной битвы
Восторгом пламенным мне не волнует кровь;
И к небесам я шлю горячие молитвы,
Чтоб низошла в сердца озлобленных любовь.
Чтоб миновали дни тревог, ожесточенья,
Чтоб, позабыв вражду и ненависть свою,
Покорные Христа высокому ученью,
Все племена слились в единую семью! [25, с. 96].

Еще более очевидным ростом пацифистских настроений отмечена очередная русско-турецкая война 1877–1878 гг. Несмотря на то, что Россия в этой войне официально выступила как союзница и защитница балканских государств (Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины), находившихся под властью Османской империи, военная кампания проходила в условиях напряженной идеологической дискуссии.

Впрочем начало войны было отмечено необычайным общественным подъемом. Как отмечает С.А. Кочуков, “русское общество и правящие круги Российской империи были фактически едины в вопросе поддержки борьбы балканских народов за политическую независимость” [26, с. 163]. Еще до обнародования “Высочайшего Манифеста о вступлении Российских войск в пределы Турции”, подписанного императором Александром II 12 (24) апреля 1877 года, в России развернулось массовое добровольческое движение, основанное на сочувствии угнетенным “славянским братьям”. На балканские события решительно откликнулась русская интеллигенция (И.С. Аксаков, К.Е. Маковский, Д.И. Менделеев, В.С. Поленов, И.Е. Репин и др.), из числа которой многие ее представители отправились добровольцами на фронт (С.П. Боткин, В.М. Гаршин, В.А. Гиляровский, Н.И. Пирогов, Н.В. Склифосовский и др.).

Эту ситуацию всеобщего энтузиазма Л.Н. Толстой запечатлел в восьмой части романа “Анна Каренина”, которую по идеологическим соображениям отказался печатать издатель “Русского вестника” М.Н. Катков, о чем он и уведомил читателей в июльском номере журнала [27, с. 448–462]. Характеристика процессов, происходивших в русском образованном обществе накануне официального объявления войны, представлена

в тексте преимущественно с точки зрения одного из персонажей, Сергея Ивановича Кознышева, и откровенно маркирована элементами иронического модуса, однако субъективность оценки происходящего сопрягается, как это принято у Толстого, с объективными фактами жизненных реалий и оценочными позициями других действующих лиц, что в конечном счете и определяет логику авторского отношения к изображаемому: “В среде людей, к которым принадлежал Сергей Иванович, в это время ни о чем другом не говорили и не писали, как о Славянском вопросе и Сербской войне. Все то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу Славян. Балы, концерты, обеды, спичи, дамские наряды, пиво, трактиры — все свидетельствовало о сочувствии к Славянам. <...> Он видел, что много тут было легкомысленного и смешного; но он видел и признавал несомненный, все разрастающийся энтузиазм, соединивший в одно все классы общества, которому нельзя было не сочувствовать. Резня единоверцев и братьев славян вызвала сочувствие к страдающим и негодование к притеснителям... Но притом было другое, радостное для Сергея Ивановича явление: это было проявление общественного мнения. Общество определенно выразило свое желание. Народная душа получила выражение, как говорил Сергей Иванович. И чем более он занимался этим делом, тем очевиднее ему казалось, что это было дело, должностующее получить громадные размеры, составить эпоху” [28, с. 352–353].

Амбивалентность авторской точки зрения на события русско-турецкого противостояния акцентирована рядом выразительных деталей, которые нельзя не заметить при чтении толстовского романа. Так, на фоне общего энтузиазма, вызванного массовым добровольческим движением, сами добровольцы, с которыми знакомится профессор Катавасов, едут на освободительную войну в основном не по идейным соображениям, а по разным ситуативным причинам: в частности, это “богатый московский купец, промотавший большое состояние”, “отставной офицер, ... попробовавший всего” [28, с. 357] и др. И даже Вронский, который “не только едет сам, но эскадрон ведет на свой счет” [28, с. 356], отправляется на сербский фронт, по его собственным словам, лишь потому, что “есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла” [28, с. 361].

Кроме того, особую роль в романе имеет спор об отношении к “Восточному вопросу”, в котором участвуют две группы идейных оппонентов:

с одной стороны — Кознышев и Катавасов как горячие сторонники участия России в Сербской войне, с другой — Левин и старый князь Щербацкий, скептически оценивающие сам факт войны. Столкнувшись на вопросе о том, нужна ли эта война русскому народу, полемисты обращаются к самому народу в лице старика пчельника и получают ответ, исполненный глубокого фатализма: “Что ж нам думать? Александр Николаевич Император нас обдумал, он нас и обдумает во всех делах. Ему видней” [28, с. 389]. В результате спор так и остается неразрешенным, а спорщики остаются при своем мнении. При этом после окончания дискуссии Левин окончательно утверждает в мысли о том, что массовый отъезд на фронт “краснобаев-добровольцев” не только не выражает мысли и воли народной, но и, преследуя цель мщения и убийства, непосредственно противоречит идее человечности.

Как известно, этот аспект романа “Анна Каренина” вызвал энергичную полемику со стороны Ф.М. Достоевского, при этом критик выбрал оригинальную стратегию, вступив в дискуссию не с автором романа, а с его персонажем. Так, в “Дневнике писателя” за июль-август 1877 г. он предлагает вниманию читателя подробный разбор толстовского романа и в целом дает исключительно высокую оценку его художественным достоинствам, но, отдельно останавливаясь на характеристике восьмой его части, со свойственной ему полемической страстностью развенчивает идею неприятия войны, которую в романе последовательно транслирует Константин Левин. И хотя Достоевский предварительно оговаривается, что Левин есть художественная фикция, то есть плод творческой фантазии писателя, он подчеркивает, что “романист изображает в этом идеальном, то есть придуманном, лице частью и собственный взгляд свой на современную нашу русскую действительность” [29, т. XXV, с. 193].

Особое возмущение Достоевского вызывает тот факт, что Левин не только демонстрирует принципиальное равнодушие к судьбе угнетенных славянских народов, но и квалифицирует свою позицию как выражение народного большинства. Комментируя размышления Левина о воле народной, критик уточняет: “Прошлого года не воля народа обозначилась, а великое сострадание его, во-первых, во-вторых, ревность о Христе, а в-третьих, собственное как бы покаяние его, вроде как бы говения” [29, т. XXV, с. 213]. Достоевский отстаивает мысль о том, что общественные акции, пожертвования и массовое участие добровольцев в войне с Турцией еще до ее официального

объявления императором Александром есть проявление исторической черты русского народа, суть которой предполагает «ревность его к “делу божью”, ко святым местам, к угнетенному христианству и вообще ко всему *покаянному, божественному*» [29, т. XXV, с. 216]. Именно это, по мнению автора “Дневника писателя”, служит главным объяснением и оправданием войны.

Другой принципиальный пункт, в котором Достоевский категорически расходится с толстовским героем, — это право на уничтожение врага во время боя. Парируя суждения Левина о том, что защита обижаемого не совместима с убийством обидчика, он приводит красноречивые свидетельства патологической жестокости турецких солдат, почерпнутые из публикаций в отечественной и зарубежной периодике, и резюмирует: “Пусть уже лучше великодушное и человеколюбивое ведение этой войны русскими не омрачится репрессалиями. Но выкалывать глаза младенцам нельзя допускать, а для того, чтобы пресечь навсегда злодейство, надо освободить угнетенных накрепко, а у тиранов вырвать оружие раз навсегда... чтобы вырвать из рук их оружие, надо вырвать его в бою. Но бой не мщение, Левин может быть за турка спокоен” [29, т. XXV, с. 221–222].

По всей видимости, многочисленные свидетельства о бесчинствах турецкой армии настолько потрясли сознание Достоевского, что он и позже возвращается к ним в своих сочинениях. В частности, они появляются в пятой книге “Pro и contra” романа “Братья Карамазовы” в разговоре Ивана и Алеши и служат для последнего своеобразным “испытанием веры” [29, т. XIV, с. 217–218].

Следует заметить, что позиция Ф.М. Достоевского по отношению к русско-турецкому военному противостоянию в той или иной степени была созвучна настроениям большей части русского образованного общества. Отечественная периодика этого времени пестрела известиями о неслыханной жестокости турок по отношению к славянским народам, вступившим в борьбу за свою национальную независимость, тем самым формируя общественное мнение и косвенно подталкивая власть к принятию решительных мер. Вот, например, фрагмент заметки, напечатанной в газете “Русский инвалид” за 1877 год: “...с дунайской границы постоянно получают известия о зверствах, совершаемых башибузуками и черкесами в болгарских селениях. Хищники сожигают и уничтожают все, что попадает на пути; убивают мужчин, бесчестят женщин,

словом, производят такие же злодейства, как и в прошлом году” [30, с. 5].

О господствующих настроениях русской общественности во многом можно судить по количеству и содержанию лирических опусов, напечатанных на страницах периодических изданий этого периода. В числе тех, кто в поэтической форме счел необходимым выразить свою гражданскую позицию, были такие крупные литературные величины, как К.С. Аксаков, А.Н. Апухтин, А.А. Голенищев-Кутузов, А.Н. Майков, Я.П. Полонский, К.К. Случевский, Л.Н. Трефилев, И.С. Тургенев и др. Внимание стихотворцев было сосредоточено вокруг комплекса взаимосвязанных мотивов: освободительной войны, праведного возмездия и славянского братства, — актуализация которых выработала определенный арсенал устойчивых художественных средств. По наблюдениям О.В. Кочуковой, «в поэтическом осмыслении войны России “за братьев-славян” легко выделить круг преобладавших тем. Это, прежде всего, создание образов, вокруг которых строилась концепция освободительной войны: объект освобождения (славяне); враг (Турция и поддерживающие ее европейские политики); герой-освободители (армия, общество, власть Российской империи)» [31, с. 142]. В качестве иллюстрации этой поэтической модели исследователь приводит фрагмент стихотворения М.А. Чаграева “Вопль славянина”, в котором идея сурового, но справедливого возмездия доходит до своей кульминационной точки:

Дайте шашку, топор, иль ружье, иль кинжал!
Или все, что к убийству годится —
И тогда со врагами, как дикий шакал,
Как герой, как злодей, буду биться!

Я не славы хочу, я хочу отомстить —
Расплатиться хочу с палачами,
В их крови я все горе хочу потопить,
Я хочу разорвать их руками! [32, с. 7].

Однако по мере развития событий военного противостояния, подробно освещаемых фронтовыми корреспондентами на страницах периодических изданий и подкрепляемых рассказами очевидцев, постепенно меняется тон лирических высказываний, смещаются оценочные критерии авторской модальности поэтов, личностно переживающих суть происходящего. Осознание масштабов кровопролития, ощущение несоразмерности высоких целей войны и безмерности страданий людей, невольно оказавшихся заложниками исторического катаклизма, наводит на мысль о попрании высших человеческих законов и неоправданности жертв, принесенных

на алтарь “правого дела”. Так, лирический герой стихотворения А.Н. Апухтина “Братьям”, написанного уже в первые месяцы войны, с чувством глубокого сострадания задается вопросом о горькой доле всех участников военного столкновения:

Вас, братья далекие, ищет мой взор.
Что с вами? Дрожите ли вы под дождем
В убогой палатке, прикрывшись плащом,
Вы стонете ль в ранах, томитесь в плену,
Иль пали в бою за родную страну,
И жизнь отлетела от лиц дорогих,
И голос ваш милый навеки затих?.. [33, с. 205].

Адресуя враждующим общее обращение “братья”, лирический герой Апухтина стремится напомнить им о первородной связи всех живущих на земле, о единстве творения в Творце, о великой заповеди братской любви как единственно возможной форме человеческого существования вне зависимости от политических, национальных и конфессиональных догм.

Горькой мыслью о том, что насилие порождается насилием, а война — это величайшее зло, которому нет оправдания, проникнуты “Письма из Болгарии” публициста и военного корреспондента Е.И. Утина, находившегося в эпицентре военных событий на протяжении почти всей кампании 1877–1878 гг. Книга, появившаяся сначала на страницах журнала “Вестник Европы”, а в 1879 году вышедшая отдельным изданием, написана по личным впечатлениям автора и содержит в себе ценные сведения о бытовой фактографии фронтовых будней. Излагая подробности балканских событий, нередко натуралистичные и шокирующие, Утин намерен показать своему читателю ту изнаночную сторону войны, о которой не принято было писать в официальной прессе. Он стремится освободить его от романтических и псевдопатриотических иллюзий, утвердить в мысли о катастрофичности последствий происходящего.

С этой целью автор ориентируется на повествовательную форму “от второго лица”, что интонационно напоминает толстовский очерк “Севастополь в декабре”, написанный двумя десятилетиями ранее в аналогичной ситуации. Однако в отличие от Л.Н. Толстого, стремящегося к эпической цельности изображения, Утин пошагово воссоздает процесс распада эпических связей, запущенный под воздействием разрушительных механизмов, которые заложены в саму суть и плоть войны: “Видите вы этот дом, полуразрушившийся, опустелый? загляните во внутрь — там все переломано, перебито; присмотритесь ближе, — быть может, вы заметите еще следы запекшейся крови; это дом турка: тут произошло разграбление, убийство,

а тот, кто грабил, кто убивал, — тот зовется болгарин, которого вы пришли спасать, освобождать от необузданного турецкого зверства! Посмотрите на другие турецкие дома: как один, так и другой, — исключений нет, дикая толпа сравнивала их все до одного!” [34, с. 77].

Но война, по мнению Утина, влечет за собой не только внешние, но и — что гораздо страшнее — внутренние, этические разрушения. В условиях массового убийства, когда смерть другого человека перестает быть событием, а становится фактом повседневности, человек утрачивает свое главное видовое свойство — способность к состраданию, он становится равнодушен ко всему, что его окружает, он перестает быть человеком в подлинном смысле этого слова: «Вы становитесь бесчувственнее. Вы ходите, толкаете раненых, слышите стоны, кровь кругом вас, но вам уже все равно; вы не испытываете больше никаких ощущений, для вас не существует больше людей, страдания не трогают, вы окаменели, превратились в машину, готовую исполнять только то, что вам скажут ... вам решительно нет никакого дела, ни до Гривицкаго редута, ни до Зеленых гор. Вас преследует кошмар, кошмар наяву, кошмар во сне; перед вашими глазами проходит окровавленная вереница раненых, мертвых, и вы как автомат твердите одно лишь слово: “война! проклятие тебе!”» [34, с. 372].

Но, пожалуй, наивысшей эмоциональной точкой идея неприятия войны получает выражение в творчестве В.М. Гаршина, сама жизненная судьба которого наглядно отразила оценочную динамику русским общественным сознанием событий балканской войны 1877–1878 гг. Как известно, еще будучи студентом Санкт-Петербургского горного института, Гаршин горячо откликнулся на витавшую в воздухе идею освобождения угнетенных славянских народов и в июне 1876 года в письме к своему однокурснику Н.С. Дрентельну сообщает: “... по правде сказать, электрофорная машина Теплова и соединение химического и физического обществ интересуют меня гораздо меньше, чем то, что турки перерезали 30 000 безоружных стариков, женщин и ребят. Плевать я хотел на все ваши общества, если они всякими научными теориями никогда не уменьшат вероятностей совершения подобных вещей” [35, с. 368–369]. По всей видимости, решение отправиться на фронт созревает к концу лета того же года, так как в сентябре Гаршин пишет стихотворение, исполненное благородной решимости и твердого осознания своего гражданского долга:

Мы не идем по прихоти владыки
Страдать и умирать;
Свободны наши боевые клики,

Могуча наша рать,
И не числом солдат, коней, орудий,
Не знанием войны,
А тем, что в каждой честной русской груди
Завет родной страны!
Она на смерть за братьев нас послала,
Своих родных сынов,
И мы не стерпим, чтоб она сказала:
“Бежали от врагов!”
Мы победим или в бою погибнем,
Как вождь наш обещал,
И доблести славянской столп воздвигнем,
Какого мир не знал... [36]

Вскоре после опубликования манифеста об объявлении войны в апреле 1877 года Гаршин записывается вольноопределяющимся в действующую армию, о чем буквально накануне сообщает в письме к матери: “Мамочка, я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули. Благословите меня” [35, с. 370]. В составе Болховского 138-го пехотного полка он участвует в болгарском походе, получает чин прапорщика, а в августе 1877 г. после тяжелого ранения в боях под Аяславром и длительного лечения выходит в отставку.

Еще находясь на лечении, Гаршин пишет рассказ “Четыре дня”, который впервые был опубликован в журнале “Отечественные записки” (1877, № 10) и еще при жизни автора переведен на несколько европейских языков. Сюжет рассказа основан на реальном событии, о котором Гаршин сообщает матери в письме от 21 июля 1877 года: “... нашли раненого. Пять суток лежал он в кустах с перебитой ногой. Несколько раз турки ездили мимо него, но не замечали. Наконец 19 июля, через пять дней после боя, наша 6 рота набрела на несчастного. Его подняли и принесли в Коце-лево. Жизнь его вне опасности. Вот уж именно спасшийся чудом!” [35, с. 373]. Примечательно, что авторский пафос рассказа “Четыре дня” кардинально отличается от довоенной гаршинской лирики. Повествование ведется здесь от первого лица и наглядно отражает стремительную эволюцию антивоенных настроений героя-рассказчика, оказавшуюся результатом его четырехдневного пребывания в пограничном состоянии между жизнью и смертью: от упоительного восторга атаки — через мучительные размышления о смысле своего участия в военных действиях — к полному неприятию войны и осознанию единства человеческих судеб. Невыносимые физические страдания, которые испытывает раненый герой рассказа Петр Иванов, перерастают в страдания нравственные, связанные с пониманием непоправимых последствий его участия в смертоносном действе. Поверженный ударом его штыка турок

(и даже не турок, а египетский феллах!) перестает восприниматься как враг и предстает в его сознании как обычный человек — сын, муж, отец, чья жертвенная гибель, вызванная некой безличной волей, не оправдана, как и не может быть оправдана любая война, страшный образ которой предстает в ореоле смертной символики: «Лица у него уже не было. Оно сползло с костей. Страшная костяная улыбка, вечная улыбка показалась мне такой отвратительной, такой ужасной, как никогда, хотя мне случалось не раз держать черепа в руках и препарировать целые головы. Этот скелет в мундире с светлыми пуговицами привел меня в содрогание. “Это война, — подумал я, — вот ее изображение”» [35, с. 29].

Комментируя проблематику рассказа “Четыре дня”, В.Ю. Даренский замечает: “Экзистенциальный парадокс, ярко показанный Вс. Гаршиным, состоит в том, что человек на войне даже с самыми благородными намерениями неизбежно становится носителем зла, убийцей других людей — и это может им переживаться даже тяжелее, чем собственная смерть” [37, с. 280]. Примечательно и то, что к этой мысли читателя приводит не автор, а его герой, непосредственный участник военных событий. В данном случае субъективность позиции рассказчика приобретает максимальный суггестивный эффект именно потому, что воспринимается как личностно пережитый экзистенциальный опыт, приобретенный на пограничных рубежах бытия и начисто лишенный внешнего дидактизма.

Впоследствии Гаршин опубликовал еще несколько произведений, связанных с событиями русско-турецкой кампании и объединенных общей тематикой (“Аясларское дело”, “Трус”, “Денщик и офицер”, “Из воспоминаний рядового Иванова”), но по художественной убедительности, силе эмоционального воздействия на читателя и высокой тональности антивоенного звучания рассказ “Четыре дня” по праву вошел в “золотой фонд” русской гуманистической культуры и поставил имя его автора в один ряд с именами Ф.М. Достоевского И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого.

Последнее вооруженное столкновение Российской и Османской империй происходило в годы Первой мировой войны, когда оба государства вошли в состав противоборствующих коалиций — Антанты и Четверного союза. Однако, несмотря на крупные военные операции на Черноморском побережье и на Кавказе, основным противником в этой войне российская общественность воспринимала Германию, отводя Турции лишь роль ее сателлита. А революционные события 1917 года, заключение Брестского мира в марте 1918 года и

начало Гражданской войны вообще на долгие годы отодвинули проблему русско-турецкого внешне-политического противостояния на второй план.

Четырехвековая история русско-турецких войн дала богатый материал для творческих инициатив русских писателей и существенно повлияла на развитие отечественного литературного процесса. Оперативно реагируя на события многочисленных военных конфликтов, художественная литература продуцировала и наглядно демонстрировала идеологические и аксиологические приоритеты общественного сознания в ракурсе их исторической динамики. Общая логика развития темы русско-турецкого противоборства получила непосредственное выражение и на уровне поэтики художественного творчества. Соотнося ранние литературные опыты осмысления и изображения военных конфликтов, можно наблюдать общее движение от общего — к частному, от коллективного — к индивидуальному, от прямой оценочности — к сложным этическим коллизиям. Картины масштабной баталистики сменяются очерками внутренних переживаний, внешний ракурс изображения событий уступает место ракурсам психологическому и экзистенциальному. Восприятие войны постепенно, но все более отчетливо предстает через призму персонального сознания автора и его героя и воспринимается как личностно пережитый и осмысленный опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Широкорад А.Б.* Русско-турецкие войны 1676—1918. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2000. 752 с.
2. *Пересветов И.* Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 388 с.
3. *Творогов О.В.* Повесть об Азовском осадном сражении донских казаков: Примечания // *Воинские повести Древней Руси*. Л.: Лениздат, 1985. С. 491—493.
4. *Воинские повести Древней Руси*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 359 с.
5. *Панегирическая литература петровского времени*. М.: Наука, 1979. 311 с.
6. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1986. 560 с.
7. *Травников С.Н., Ольшевская Л.А.* “Лавровы вьются там венцы...” (Поэтика “Оды на взятие Хотина” М.В. Ломоносова) // *Литературоведческий журнал*. 2011. № 29. С. 213—235.
8. Переписка Екатерины Великой с Иосифом II, переведено с французских подлинников И.М. Живаго // *Русский архив*. 1880. № 1. С. 210—355.
9. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
10. *Клейн И.* Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века // *Slovëne*. 2018. № 1(7). С. 174—210.
11. *Сумароков А.П.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 608 с.
12. *Петров В.П.* Сочинения. Ч. 1. Изд. 2-е. СПб.: Мед. тип., 1811. 242 с.
13. *Майков В.И.* Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 502 с.
14. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота. Т. I. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1864. 872 с.
15. *Вельтман А.Ф.* Странник. М.: Наука, 1978. 343 с.
16. *Бестужев-Марлинский А.А.* Кавказские повести / Изд. подгот., [примеч. сост.] Ф.З. Канунова. СПб.: Наука, 1995. 701 с.
17. *Бестужев-Марлинский А.А.* Письмо К.А. Полевому, 5 апреля 1833. URL: <http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/letters/letter-56.htm>
18. Высочайший манифест от 9 февраля 1854 года, о прекращении дипломатических сношений России с Англией и Францией // *Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя*. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Вып. I. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. С. 272—273.
19. *Мельников В.А.* Крымская кампания 1853—1856 гг. как первая информационная война в истории противостояния мировых держав // *Журналист. Социальные коммуникации*. 2017. № 3. С. 34—39.
20. *Ф.Б. [Булгарин Ф.В.]* Пчелка. Журнальная всякая всячина // *Северная пчела*. 1854. № 1 (2 янв.). С. 2—4.
21. *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853—1856. М.: Тип. В.М. Фриш, 1874. 385 с.
22. *Заморские гости, собрание песен, военных куплетов, сказок, басен и стихов про Турок, Англичан и Французов. Выражающие чувства Русских за Веру, Царя и Отечество, в войну настоящего времени*. М.: Тип. Александра Семена, 1854. 52 с.
23. *Собрание патриотических стихотворений, написанных разными авторами по случаю военных действий и побед, одержанных российским победоносным воинством / Собр. Н. Клячковым*. Ч. 1—2. М.: тип. М. Смирновой, 1854.
24. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 2: Стихотворения 1855—1866 гг. Л.: Наука, 1981. 447 с.
25. *Плещеев А.Н.* Полн. собр. стихотворений. М.-Л.: Советский писатель, 1964. 430 с.

26. Кочуков С.А. Отношение образованного общества России к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Власть. 2011. № 11. С. 163–166.
27. [Катков М.Н.] Что случилось по смерти Анны Карениной // Русский вестник. 1877. Т. 130. С. 448–462.
28. Толстой Л.Н. Полн. собр. сочинений: В 90 т. Т. 19: Анна Каренина. Роман в 8-ми ч. (1873–1877). Ч. 5–8. М.: ГИХЛ, 1935. 520 с.
29. Достоевский Ф.М. Полн. собр. сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
30. [Б.И.] Внешние известия // Русский инвалид. 1877. № 99. 7 мая. С. 3–5.
31. Кочукова О.В. Поэтические образы освободительной войны России на Балканах // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 141–146.
32. Чаграев М.А. Вопль славянина // Пчела. 1876. № 49. С. 7.
33. Анухтин А.Н. Полн. собр. стихотворений. Л.: Советский писатель, 1991. 448 с.
34. Утин Е. Письма из Болгарии в 1877 году. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. 472 с.
35. Гаршин В.М. Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма. М.: Сов. Россия, 1984. 432 с.
36. Гаршин В.М. Стихотворения. URL: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_1884_stihi.shtml
37. Даренский В.Ю. Испытание смертью как нравственная Голгофа героя в прозе Вс. Гаршина // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 276–296.
6. Lomonosov, M.V. *Izbrannyje proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sov. Pisatel' Publ., 1986. 560 p. (In Russ.)
7. Travnikov, S.N., Olshevskaya, L.A. "Lavrovyy vyut-sya tam vency..." (*Poetika "Ody na vzyatie Xotina" M.V. Lomonosova*) ["The Lavrov's Wind Crowns There ..."] (Poetics of "Odes to the Capture of Khotin" by M.V. Lomonosov). *Literaturovedcheskij zhurnal* [Journal of Literary Criticism], 2011, No. 29, pp. 213–235. (In Russ.)
8. *Perepiska Ekateriny Velikoj s Iosifom II, perevedeno s francuzskix podlinnikov I.M. Zhivago* [Correspondence of Catherine the Great with Joseph II]. *Russkij arxiv* [Russian Archive]. 1880, No. 1, pp. 210–355. (In Russ.)
9. Zorin, A. *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka* [Feeding the Two-headed Eagle ... Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)
10. Klejn, I. *Torzhestvuyushhaya Rossiya: voennaya lirika XVIII veka* [Triumphant Russia: Military Lyrics of the 18th Century]. Slověne, 2018, No. 1(7), pp. 174–210. (In Russ.)
11. Sumarokov, A.P. *Izbrannyje proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sov. Pisatel' Publ., 1957, 608 p. (In Russ.)
12. Petrov, V.P. *Sochineniya. Ch. 1. Izd. 2-e*. [Compositions. Part 1. Ed. 2nd.]. St. Petersburg, Med. Publ., 1811, 242 p. (In Russ.)
13. Majkov, V.I. *Izbrannyje proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Leningrad, Sov. Pisatel Publ., 1966. 502 p. (In Russ.)
14. Derzhavin, G.R. *Sochineniya. S obyasnitelnyimi primечanijami Ya. Grot. T. I*. [Compositions. With Explanatory Notes by J. Groth. Vol. I]. St. Petersburg, Imper. Akademii Nauk Publ., 1864. 872 p. (In Russ.)
15. Veltman, A.F. *Strannik* [Wayfarer]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 343 p. (In Russ.)
16. Bestuzhev-Marlinskiy, A.A. *Kavkazskie povesti* [Caucasian Stories]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 701 p. (In Russ.)
17. Bestuzhev-Marlinskiy, A.A. *Pismo K.A. Polevomu, 5 aprelya 1833* [Letter to K.A. Polevoy, April 5, 1833]. URL: <http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/letters/letter-56.htm> (In Russ.)
18. *Vysochajshij manifest ot 9 fevralya 1854 goda, o prekrashhenii diplomaticheskikh snoshenij Rossii s Angliyeu i Franciyeu* [Supreme Manifesto of February 9, 1854, on the termination of diplomatic relations between Russia and England and France]. *Materialy dlya istorii Krymskoj vojny i oborony Sevastopolya. Sbornik, izdavaemyj komitetom po ustrojstvu Sevastopol'skogo muzeya. Vyp. I* [Materials

REFERENCES

1. Shirokorad, A.B. *Russko-tureczkie vojny 1676–1918* [Russo-Turkish Wars 1676–1918]. Moscow, Minsk, 2000. 752 p. (In Russ.)
2. Peresvetov, I. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1956, 388 p. (In Russ.)
3. Tvorogov, O.V. *Povest ob Azovskom osadnom sidenii donskix kazakov: Primechaniya* [The Tale of the Azov Siege Seat of the Don Cossacks: Notes]. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Warrior Tales of Ancient Russia]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1985, pp. 491–493. (In Russ.)
4. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Warrior Tales of Ancient Russia]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1949. 359 p. (In Russ.)
5. *Panegiricheskaya literatura petrovskogo vremeni* [Panegyric Literature of Peter's Period]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 311 p. (In Russ.)

- for the History of the Crimean War and the Defense of Sevastopol. Collection Published by the Committee for the Arrangement of the Sevastopol Museum. Issue I]. St. Petersburg, Departamenta Udelov Publ., 1871, pp. 272–273. (In Russ.)
19. Melnikov, V.A. *Krymskaya kampaniya 1853–1856 gg. kak pervaya informacionnaya vojna v istorii protivostoyaniya mirovy'x derzhav* [Crimean Campaign of 1853–1856 as the First Information War in the History of Confrontation Between World Powers]. *Zhurnalist. Social'nyje kommunikacii* [Journalist. Social Communication], 2017, No. 3, pp. 34–39. (In Russ.)
 20. F.B. [Bulgarin, F.V.] *Pchylka. Zhurnalnaya vsyakaya vsyachina* [Little Bee. All Magazine Sorts of Things]. *Severnaya pchela* [Northern Bee], 1854, No. 1, pp. 2–4. (In Russ.)
 21. Pogodin, M.P. *Istoriko-politicheskie pis'ma i zapiski v prodolzhenii Krymskoj vojny. 1853–1856* [Historical and Political Letters and Notes in the Continuation of the Crimean War. 1853–1856]. Moscow, V.M. Frish Publ., 1874. 385 p. (In Russ.)
 22. *Zamorskie gosti, sobranie pesen, voennykh kupletov, skazok, basen i stixov pro Turok, Anglichan i Francuzov. Vyrazhayushhie chuvstva Russkix za Veru, Czarya i Otechestvo, v vojnu nastoyashhego vremeni* [Overseas Guests, a Collection of Songs, Military Couplets, Fairy Tales, Fables and Poems about Turks, English and French. Expressing the Feelings of Russians for Faith, Tsar and Fatherland, in the War of the Present Time]. Moscow, Aleksandra Semena Publ., 1854. 52 p. (In Russ.)
 23. *Sobranie patrioticheskix stikhotvorenij, napisannykh raznymi avtorami po sluchayu voennykh dejstvij i pobed, oderzhanny'x rossijskim pobedonosnym voinstvom. Sobr. N. Klyachkovym. Ch. 1–2* [Collection of Patriotic Poems Written by Various Authors on the Occasion of Military Operations and Victories Won by the Victorious Russian Army]. Moscow, M. Smirnovoj Publ., 1854. (In Russ.)
 24. Nekrasov, N.A. *Poln. sobr. soch. i pisem v 15 t. T. 2: Stikhotvoreniya 1855–1866 gg.* [Complete Works and Letters in 15 Volumes. Vol. 2: Poems 1855–1866]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 447 p. (In Russ.)
 25. Pleshcheev, A.N. *Poln. sobr. stikhotvorenij* [Complete Collection of Poems]. Moscow; Leningrad, Sovetskij Pisatel Publ., 1964. 430 p. (In Russ.)
 26. Kochukov, S.A. *Otnoshenie obrazovannogo obshhestva Rossii k russko-tureczkoj vojne 1877–1878 gg.* [The Attitude of the Educated Society of Russia to the Russo-Turkish War of 1877–1878.]. *Vlast* [Power], 2011, No. 11, pp. 163–166. (In Russ.)
 27. [Katkov, M.N.] *Chto sluchilos po smerti Anny Kareninoj* [What Happened after the Death of Anna Karenina]. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin], 1877, vol. 130, pp. 448–462. (In Russ.)
 28. Tolstoy, L.N. *Poln. sobr. soch. v 90 t. T. XIX. Anna Karenina. Roman v 8-mi ch. (1873–1877). Ch. 5–8* [Complete Works in 90 Volumes. Volume XIX. Anna Karenina. Novel in 8 Hours (1873–1877). Parts 5–8]. Moscow, 1935. 520 p. (In Russ.)
 29. Dostoevskiy, F.M. *Poln. sobr. soch. v 30-ti t.* [Complete Works in 30 Volumes.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
 30. [B.I.] *Vneshnie izvestiya* [Foreign News]. *Russkij invalid* [Russian Invalid], 1877, No. 99, May 7th, pp. 3–5. (In Russ.)
 31. Kochukova, O.V. *Poeticheskie obrazy osvoboditelnoj vojny Rossii na Balkanakh* [Poetic images of the liberation war of Russia in the Balkans]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Istoriya. Mezhdunarodny'e otnosheniya* [Bulletin of the Saratov University. Series History. International Relationships], 2019, Vol. 19, No. 2, pp. 141–146. (In Russ.)
 32. Chagraev, M.A. *Vopl slavyanina* [The Scream of the Slav]. *Pchela* [Bee], 1876, No. 49, p. 7. (In Russ.)
 33. Apuxtin, A.N. *Poln. sobr. stikhotvorenij* [Complete Collection of Poems]. Leningrad, Sovetskij pisatel Publ., 1991. 448 p. (In Russ.)
 34. Utin, E. *Pisma iz Bolgarii v 1877 godu* [Letters from Bulgaria in 1877]. St. Petersburg, M.M. Stasyulevicha Publ., 1879. 472 p. (In Russ.)
 35. Garshin, V.M. *Sochineniya: Rasskazy. Ocherki. Statji. Pisma* [Writings: Stories. Essays. Articles. Letters]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1984. 432 p. (In Russ.)
 36. Garshin, V.M. *Stikhotvoreniya* [Poems]. URL: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_1884_stihi.shtml (In Russ.)
 37. Darenskiy, V.Yu. *Ispytaniye smertyu kak npravstvennaya Golgofa geroya v proze Vs. Garshina* [The Test of Death as the Moral Golgotha of the Hero in the Prose of Vs. Garshina]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2016, No. 14, pp. 276–296. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 31 марта 2021 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 апреля 2021 г.
 Статья принята к публикации: 30 июня 2021 г.
 Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on March 31, 2021
 Revised on April 15, 2021
 Accepted on June 30, 2021
 Date of publication: August 31, 2021